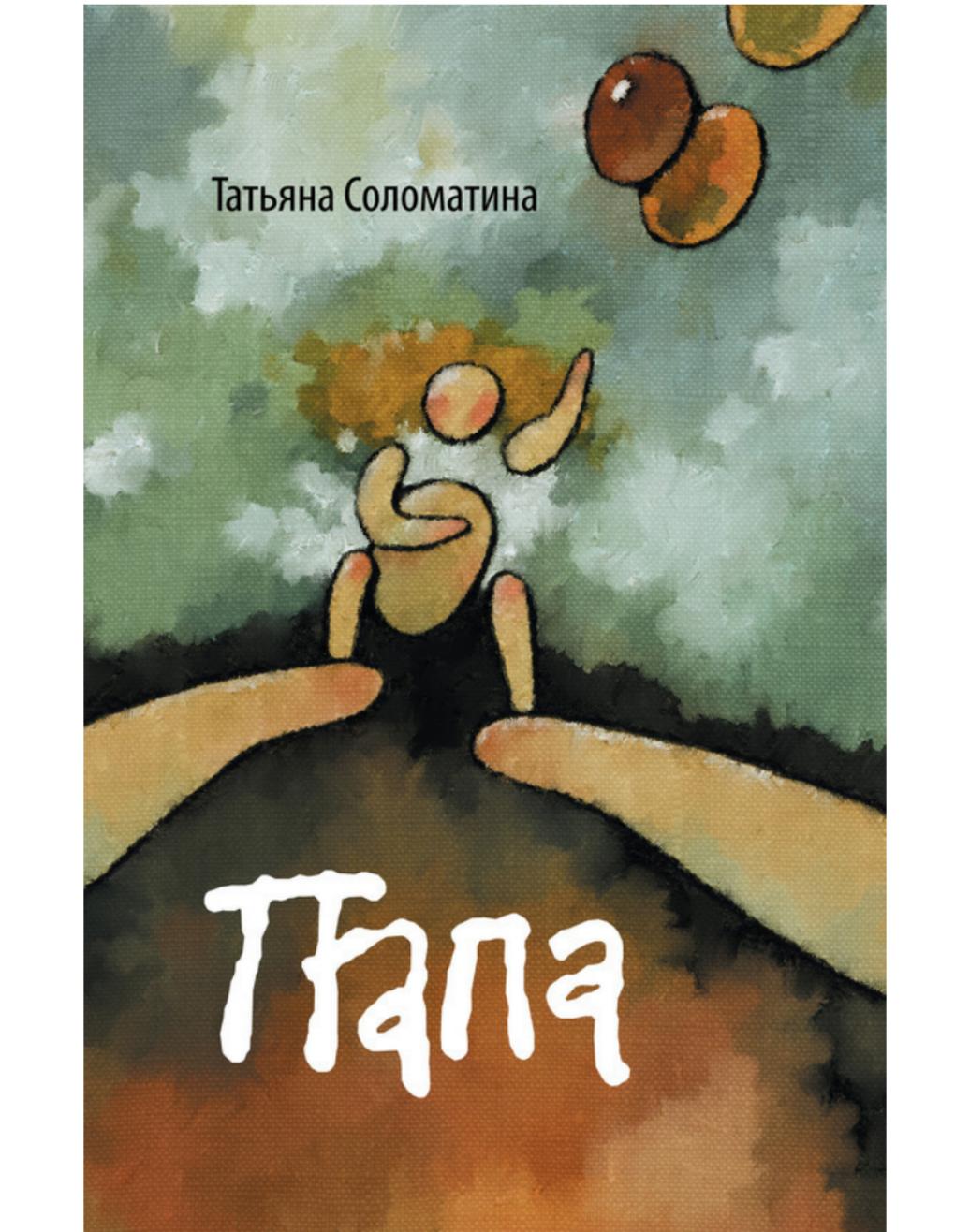


Татьяна Соломатина



Тата

Татьяна Юрьевна Соломатина

Папа

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648535*

Папа: Яуза-пресс : Эксмо; М.:; 2011

ISBN 978-5-9955-0297-5

Аннотация

Все чаще слышу от, казалось бы, умных женщин: «Ах, мой отец, когда мне было четырнадцать, сказал, что у меня толстые бедра! С тех пор вся моя жизнь наперекосяк!» Или что-нибудь в этом роде, не менее «трагическое». Целый пласт субкультуры – винить отцов и матерей. А между тем виноват ли холст в том, что картина теперь просто дырку на обоях закрывает? Но вспомните, тогда он был ПАПА. А теперь – отец.

Папа – это отлично! Как зонтик в дождь. Но сами-то, поди, не сахарные, да? Желаю вам того изначального дара, по меткому замечанию Бродского, «освобождающего человеческое сознание для независимости, на которую оно природой и историей обречено и которую воспринимает как одиночество».

Себя изучать интереснее. Винить, что правда, некого... Что очень неудобно. Но и речь ведь идет не об удобстве, а о счастье, не так ли?

Желаю вам прекрасного одиночества.

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

70

Татьяна Соломатина

Папа

* * *

– Я уехала из этого города двадцать лет назад...

Я всё ещё достаточно молода для того, чтобы нравиться двадцатилетним глупым щенкам, и всё же достаточно стара, чтобы рассчитывать на понимание, лениво бросая подобное бармену за пустой стойкой.

– Не может быть! – вскидывает он лохматую гриву. И его взгляд становится более внимательным. Если не сказать – пристальным. Но ещё не профессиональным. Он – двадцатилетний глупый щенок. Посмотри, мальчик, ещё более внимательно. Посмотри несказанно пристально. Это так важно для человека – умение внимательно-пристально смотреть. А уж в твоей профессии...

– Вас, наверное, увезли отсюда ребёнком, да? – отвешивает комплимент, немного кокетничая. Часть ремесла. Но не такая важная, как наблюдательность.

– Нет. Я уехала из этого города двадцать лет назад. Мне было двадцать четыре года. Ты бармен. Ты умеешь считать.

Наклоняется ко мне через стойку и почти интимно шепчет:

– Иногда я недоливаю. – Ничем не рискует. Умный мальчик. Немного манерный и слишком уверенный в своей неотразимости. Но умный.

Прикасаюсь к его почти девическому запястью:

– Смотри внимательно. Внимательно смотри на меня. До полудня ещё час, и весна в этом городе так же щедра на солнечный свет, как владелец твоего заведения – на открытые пространства. Я очень молода вечером в искусственном свете. Я откровенно юна на танцполе и становлюсь совсем девочкой в постели. Но здесь и сейчас, на верхней палубе этого ресторана, смотри внимательнее мне в глаза.

– Морщинки, да? – он всё ещё немного кокетничает. «Морщинки, да?» Заговорщически так.

– Нет. Хотя и они. Но ты неглуп, потому тебе я скажу – смотри не на морщинки вокруг глаз. Не на губы, не на лоб и не на что другое. Хочешь узнать, сколько женщине лет, смотри ей в глаза.

– И? – несмело. Но ещё не отстраняясь. Заинтригован. А может, они все поехавшие на тренингах.

– Разве бывают такие глаза у твоих ровесниц?

– Такие голубые? Такие красивые?

– Перестань!

– Опытные?

– Не совсем... Как тебя зовут?

– Артём.

– Понаблюдай за собаками, Артём. Смотри в глаза щенкам и взрослым псам. И тебе всё сразу станет ясно про женщин. Кстати, по глазам можно вычислить не только возраст, но и...

– Счастье?

– Точно.

Точно умный мальчик.

– Счастье молодит, – отстраняется.

Очень умный мальчик.

– Да. Но я сегодня здесь ностальгирую, так что налей мне семь по пятьдесят текилы.

– Но это же триста пятьдесят!

– Артём, никогда не говори женщине, сколько ей пить, если только это не твоя женщина. К тому же ты можешь недолить – и на круг выйдет триста.

– Верно! – смеётся.

Если его густую гриву привести в порядок обычной короткой мужской стрижкой, он будет не только умный мальчик, но ещё и красивый мальчик... Ну да дело его.

А пока он делает своё дело, я закуриваю.

Я всё ещё достаточно молода для того, чтобы нравиться двадцатилетним глупым щенкам, и всё же достаточно стара, чтобы рассчитывать на понимание, лениво бросая бармену в пустом зале: «Я уехала из этого города двадцать лет назад...»

Было так же солнечно. Сентябрь в этом городе так же щедр на свет, как и апрель.

Перед тем, как уехать, я много ходила пешком. Я любила и люблю ходить пешком. Но тогда я ходила пешком не из любви. Я ходила пешком, чтобы выводить решение. Вру... Неэлегантно и неуместно обманываю. Я ходила пешком, чтобы выводить себя до конца. Сойти на нет. Стесать под ноль. Весь июль, весь август и почти весь сентябрь я ходила пешком.

Августовский ливень. Я бреду, уже почти обессилен. Я прошла по жаре от центра города до четыреста одиннадцатой батареи. Опустила раскалённые ходьбой ступни в воду. Маленький пляж. Каменистый, неудобный. Приезжие его не знают. У жителей города – дела. Да и небо уже грозное. Сегодня я говорила с папой. И он сказал мне:

– Да я что? Я ничего. Вот мама...

Двадцать лет назад и все двадцать лет перед теми, что двадцать лет назад:

– Вот мама...

Чудесное слово «папа». Гораздо лучше жёсткого, колючего – «отец». «Папа» – это домашнее. Как любимая пижама. Как покой. Как чашка горячего чаю с лимоном после ванны, которая после ледяного косо́го ливня. «Папа!» – и тебя уже ничто не тревожит. «Папа!» – и тебе уже ничего не надо решать – всё решат за тебя. Каждой девочке нужен папа. Папа. А не слово.

Августовский ливень. Улицы пусты. В этом городе они пустеют моментально. Ни в одном городе мира они так не пустеют во время ливня, как пустеют они здесь. Я бреду в гордом одиночестве, уже почти обессилен. Босиком шлёпаю по лужам, не обращая внимания ни на льющиеся сверху прозрачные холодные струи, ни на грязные фонтаны, вырывающиеся из-под колёс проезжающих машин. Всё, что сверху, – прозрачно. Всё, что снизу, – грязь. Мне холодно, но всё равно. Я насквозь промокла, но мне всё равно. Мне настолько всё равно, что я всё пропускаю сквозь. Сквозь себя. Холод, ветер, грязь. Можно было бы назвать это «просветлением»... Если бы я шла сквозь, как дождь. Шла, а не пропуска-

ла сквозь себя. Но я иду вниз всего лишь сквозь пространство улицы, а вовсе не с небес на землю, чтобы воспарить с земли на небеса. Я просто бреду по лужам. Тогда это «затемнение»? И равно ли просветление затемнению? Я иду, и в голове моей крутится только глупая мысль о равности светлого и тёмного. Услужливый неутомный ум плетёт своё хитроумное макраме, надёжно занавешивая плотным узловатым полотнищем дыру в душе. Окажись я сейчас – мокрая и босиком – в Антарктиде, а не в моём южном августовском городе, я брела бы точно так же, ничего не замечая, пока бы не превратилась в ледяную скульптуру. «Море волнуется раз... Два... Три. Ледяная фигура, замри!» Просветления и затемнения не отменяют физику тела. И море никогда не волнуется...

– Девушка! Девушка!

Машина медленно катится рядом. Уже, кажется, некоторое время. Водитель, наверное, успел подумать, что я глухая. Потому что отчаянно жестикулирует. Впрочем, в моём городе принято отчаянно жестикулировать по любому поводу, а не только при встрече с глухими девушками. Или просветлённо-затемнёнными.

– Девушка! Давайте я вас подвезу!

Красивый мужчина. Мой любимый цвет. Мой любимый размер. Красивая дорогая машина. Ну да. Разве со мной может быть иначе? Мне двадцать четыре, и лет с шестнадцати я нравлюсь только взрослым состоятельным дядям, и даже фасоном они схожи, как будто их кроили по одному лекалу. Вот и этот такой же. Коротко стриженные густые тёмно-русые волосы. Мускулистый, массивный. Тяжёлый взгляд. «Девушка! Давайте я вас подвезу!» А как же, конечно. Дальнейший сценарий известен до скрежета зубовного.

Бреду, не обращая внимания.

– Девушка, я вас просто подвезу. Просто! Подвезу! – властно акцентирует последние два слова. – Я не знаю, что там у вас случилось, но я не могу видеть, как молоденькая девушка нарываётся на воспаление лёгких. Садитесь немедленно!

– Я мокрая и грязная.

– Садитесь!

Сажусь.

– Куда вам?

– В центр.

На панели фотография. Юная тощая блондинка, чем-то похожая на меня. Все юные тощие блондинки чем-то похо-

жи друг на друга. Вкусы мускулистых, массивных, коротко стриженных густоволосых тёмно-русых мужиков на дорогах тачках не отличаются разнообразием.

Улавливает направление моего взгляда.

– Это моя дочь. Ей двадцать четыре. В Москве училась, да так там и осталась. Я увидел вас и подумал, что вдруг она бредёт где-то по московским улицам в такой же ливень, ей грустно и холодно... И кому нужен этот мир, если он состоит только из самцов? Они же почему самцы? То есть мы. Мы самцы лишь для того, чтобы стать отцами. Папами... Слово «папа» мне нравится куда больше слова «отец». Потому что «отец» – это что-то пафосное, протокольное. Папа. Только «папа». Когда она звонит и я слышу: «Папа, привет!» – я счастлив.

До центра города мы молчим. Он даже не спрашивает, как меня зовут. Он меня просто подвёз. Наконец-то мускулистый, массивный, коротко стриженный густоволосый тёмно-русый мужик меня просто подвёз. Просто! Подвёз!

Ливень закончился, и вышло яростное солнце, к закату ставшее нежным...

Двадцать лет назад я выходила себя на нет и уехала из этого города.

– Видите тёток в углу? – наклоняясь ко мне, шепчет Артём, ещё не подозревающий, как бы он был хорош, подстригись он по-мужски и займись гантелями. Мы с ним уже немного заговорщики в этот апрельский полдень.

– Да. Теперь вижу.

Я так погрузилась в свои воспоминания, что даже не заметила, как пришли эти женщины. Хотя в пустом баре пустого полуденного ресторана сложно не заметить посетителей.

– Эти «тётки» – мои ровесницы! – теперь и я немного кокетничаю. И у меня – двадцать лет спустя! – мелькает мысль о том, что даже как-то обидно, что тот мужик так и не предложил ничего, кроме как просто подвезти. Сила привычки. Тётки такие тётки. Двадцать лет назад, предложи он мне что-то, кроме просто подвезти, – и моя жизнь пошла бы совсем по другим рельсам. И, скорее всего, под откос. И тогда я это понимала. А сейчас такой вот моментальной строкой из ежедневника: «Не пригласил!» Спасибо тебе, чей-то папа. Спасибо, что увидел в очередной юной тощей блондинке не кусок плоти, а дочь. И прости за дурацкие мысли. Это женское. Вечно женское. Можно даже сказать – блядское. Вот зачем я кокетничаю с барменом? Просто дурачусь. Я ушла из «большого секса» ровно тогда, когда меня просто подвезли.

– Да-да, простите. Но я не о том, что они тётки. Пусть будут женщины. Я о другом. Они собираются тут раз в ме-

сяц. Двенадцать раз в год. Причём всегда днём. Выпивают, плачут, смеются. Сидят долго. Расплачивается за всех всегда та – дороже всех одетая стройная блондинка с конским хвостом, голубыми глазами и рыжими веснушками. Они прикольные. Иногда я о них думаю. Придумываю... А «тётки» – это просто такое слово, не обижайтесь! – Он улыбается. Честно и открыто. Без мужского, без женского и без кокетства. Умный мальчик заинтригован собирающимися раз в месяц «на троих» выпить, поплакать и посмеяться «тётками». А «прикольные» – это для него что-то типа cool. Это возрастное. Это пройдёт.

– И что ты о них думаешь? – спрашиваю.

– Ну, вот та, лучше всех одетая, что расплачивается за всех, явно была дочь богатых родителей, всё и всегда у неё по жизни было в шоколаде. Возможно, её отец был какой-то шишкой в городской управе или в чеэмпэ¹. Мама – на вечном приколе в роскошной квартире ведомственного дома. Престижный вуз – типа романо-германского факультета университета. Вероятно, она вышла замуж за какого-нибудь мажора и вскоре с ним развелась. У неё есть ребёнок. Или она до сих пор замужем, но муж изменяет ей, а она – ему. Ребёнок ходит в английскую школу, и «Конский Хвост» не знает, куда девать деньги.

– Да ты просто детектив, Артём! – смеюсь. – Дома на полке тридцать томов Чейза, поди, и все до дыр зачитаны?

¹ ЧМП – Черноморское морское пароходство.

– Думаєте, не прав? – надуває губи Артём.

* * *

Лучше всех в классе одета блондинка с конским хвостом, голубыми глазами и рыжими веснушкам. Непонятно, откуда у неё такие тряпки, такие пеналы-ручки-резинки – у Наташки всё самое лучшее и всё самое-самое заграничное. Куда лучше и заграничнее, чем, например, у Вики. Хотя Викин папа «плавает» помполитом, а у Наташки папа – водитель автобуса. А мама – парикмахер. Правда, очень хороший парикмахер. К Наташкиной маме запись – на месяц вперёд. Это в парикмахерской. А на дому – так и на год вперёд. Она работает не покладая рук – над гривами жён плавсостава, над волосиками секретарш обкома, над халами спекулянтов и над осветлёнными завивками завмагов, завскладов и даже над перманентом заведующей районо. Руки Наташкиной мамы имеют очень странный, пожеванно-пятнистый вид. Иногда они начинают шелушиться, и это называется «экзема». Но она и тогда не перестаёт работать, просто надевает перчатки. Однажды под Новый год она закончила работу в половине двенадцатого ночи, села на стул и уснула. Наташка подошла к ней, села у ног, обняла мамины варикозные ноги и тоже уснула. Папа Коля с ними не спал, потому что автобусы отправляются по расписанию с автовокзала даже в новогоднюю ночь. А Наташкина бабушка всё наготовила и улеглась

ещё в десять вечера.

Наташка очень добрая. Хотя и глуповатая. Она даже не умеет читать и писать, хотя к первому классу это, как правило, умеют все. Но Наташку не переводят во вспомогательную школу. Потому что заведующая районо может причесаться «на Восьмое марта» прямо утром восьмого марта. Причём – у себя на дому. У Наташкиной мамы есть «Запорожец», и к особо важным клиентам она приезжает на дом. Пока Наташка учится в школе – заведующая районо для мамы-парикмахерши особо важный клиент.

Наташку нельзя, конечно, назвать умственно отсталой. Но она очень сильно отстала в развитии. Вероятно, из-за чрезмерной опеки. Мама безумно любит Наташку, но всегда занята. Наташкин папа, когда не за рулём автобуса, то пьёт пиво с водкой или лежит под «Запорожцем». Потому основное время с Наташкой проводит её бабушка. Крохотная сухонькая старушка. Наташка даже в свои семь лет больше её почти в два раза. В смысле – толще. Потому что Наташку не только прекрасно одевают, но и кормят на убой. Самая первая, самая безумно дорогая клубника – Наташке. Молодая картошка с самым лучшим сливочным маслом и свежайшим укропом – Наташке. Карбонат, или, как говорят в этом южном приморском городе, «копчёное мясо» – Наташке. И всё это не тарелочками или мисками, а тазами, корытами и вёдрами. Наташка уже просто не может есть меньше. Она похожа на откормленного юного декоративного поросёнка. Или

уже даже на свинку, потому что поросята всё-таки малы в размерах.

Каждое утро крохотная сухонькая старушка несётся на Привоз в шесть утра и покупает самую лучшую брынзу, самые свежие яйца и самое жирное молоко, творог и сметану на выданные мамой-парикмахером деньги. Чтобы завтрак для Наташки в семь уже был на столе. Наташка просыпается. Крохотная сухонькая старушка умывает её, одевает её и говорит ей: «пис-пис-пис!» – хотя Наташке уже семь лет. И промокает её после «пис-пис-пис!» специальной Наташкиной промокательной тряпочкой, висящей тут же, на двери туалета – маленькой кабинки, встроенной в малюсенькую кухню квартирки-курятника, коих во множестве в этом южном приморском городе.

Это такая квартирка, в которую можно попасть, только пройдя лестницу и веранду. И ещё лестницу и веранду. И ещё одну лестницу и ещё одну веранду. И там, в тамбуре, направо – дверь, ведущая в квартиру Наташкиного семейства. Дверь никогда не закрывается на замок, потому что бабушка всегда дома, когда дома больше никого нет. Бабушка боится одиночества. И ещё потому, что рыбу она чистит на веранде, а держа полный таз начищенной свежей рыбы двумя руками, сложно войти в закрытую дверь. Только в открытую.

За всегда открытой дверью – сразу та самая малюсенькая кухня. Прямо – пенал упирается в окошечко, выходящее на глухую стену соседнего дома. Слева в пенале – стоит стол.

За столом – плита на две конфорки. Как Наташкина бабушка успевает столько всего готовить? Справа страшный горбатый холодильник с ручкой-рычагом. И вот сразу за холодильником пристроен туалет. Взрослый крупный человек там помещается с трудом, и потому и Наташкина мама, и Наташкин папа не закрывают дверь. Пока они, сидя на унитазе, курят сигареты и читают газеты, Наташкина бабушка жарит рыбу, правый глаз прищурен, в зубах папироса. Колени Наташкиных папы и мамы упираются в сухонький плоский задик старушки. Иногда Наташкина бабушка от этого морщится, потому что на сухоньком плоском задике у неё шрам.

Наташкина бабушка вся в шрамах. Есть шрамы от осколочных ранений. Есть от пулевых. А одно даже ножевое. Точнее – штыковое. В общем, такое, что оставляет на память о себе штык-нож. А ещё Наташкина бабушка плохо слышит. Контузия. Наташкина бабушка иногда шутит, что контузия – это когда ты вдруг взлетаешь и летишь-летишь, как Икар. Но скоро немножечко падаешь, и из ушей у тебя льётся кровь. Потому что за удовольствие летать ты расплачиваешься лопнувшими барабанными перепонками. Она очень весёлая, Наташкина бабушка. Когда у неё не болят шрамы – она очень весёлая. А когда болят – она курит «Беломор». Одну папиросу за другой. Или даже так: одну от другой. Но и тогда, когда она весёлая, и тогда, когда она курит одну от другой, что бывает достаточно часто, – она всё время на ногах и что-то делает. Никто и никогда не видел, чтобы Наташ-

кина бабушка лежала. И никто никогда не слышал, чтобы Наташкина бабушка ныла и жаловалась.

Девятого мая Наташкина бабушка всегда была весёлая, даже если шрамы очень болели. Девятого мая она надевала крохотный кукольный костюмчик отличной шерсти, раздобытый для неё дочкой-парикмахершей. На пиджак кукольного костюмчика были навсегда прикручены орденские планки, медали, ордена и много всяких ярких значков, всегда интересных детям. Весь этот «иконостас», как называла его Наташкина бабушка, был ей, крохотной сухонькой старушке, чуть не по колено. Но она надевала его каждое Девятое мая, брала Наташку за пухлую ручку и шла с ней на Куликово поле смотреть Парад. Потом она возвращалась домой, где дочерью-парикмахершей уже был накрыт богатый стол. У дочери-парикмахерши был один нерабочий день в году – Девятое мая. Старушка, парикмахерша, водитель автобуса и Наташка садились за стол. И бабушка напивалась. Бабушка напивалась один-единственный день в году – Девятого мая. И хотя она была крохотной сухонькой старушкой, для того чтобы напиться, ей надо было выпить куда больше, чем водителю автобуса или парикмахерше. Парикмахерша косела от трёх крохотных рюмок. Водитель автобуса – от трёх стограммовых стопок. Наташкиной же бабушке, чтобы напиться один-единственный раз в году – Девятого мая, – надо было выпить поллитру «в одно лицо», как она сама выражалась. Выпивая, она сперва поминала многие имена – Наташка их

не запоминала. Затем бабушка пела. А потом плакала. Когда все укладывались спать в одной– единственной комнате квартирки, попасть куда можно было, лишь пройдя три лестницы и три веранды, Наташкина бабушка трезвела, снимала кукольный костюмчик отличной шерсти, вешала его в шкаф, убирала со стола, аккуратно складывала оставшуюся от пира снедь по мисочкам с крышечками и ставила в холодильник. Затем мыла посуду и стирала скатерть.

Наташкина бабушка была командиром разведроты и прошла всю войну. До самого Берлина. Конечно, она не сразу была командиром разведроты. Она закончила разведшколу. Потом оказалась самой умной, самой хитрой и самой живучей. О последнем она в основном и плакала каждое Девятое мая. Уже много-много лет Наташкина бабушка хотела отравиться, но её сдерживала безумная любовь к своей дочери-парикмахерше и толстой красивой внучке Наташке, натуральной блондинке с конским хвостом толщиной в руку, яркими голубыми глазами и рыжими веснушками. Глупой и доброй. Так похожей на своего деда, которого она никогда не видела, потому что его убили в первые дни войны. Внучку она любила даже больше дочки. Потому что Наташка выросла у неё на руках. Вырастить совсем на руках парикмахершу Наташкиной бабушке помешала война и работа. Наташка, в отличие от мамы-парикмахерши, никогда не была ни в яслях, ни в детском саду. Только дома. Только с бабушкой. На бабушкиных руках.

И бабушка-разведчица и мама-парикмахерша родили уже немножечко после тридцати. Это к пассажиру о безумной любви. Или к безумию как таковому. Или просто как факт семейного анамнеза.

А ещё от самоубийства бабушку сдерживала сезонная терапия на Слободке. После первой неудачной суицидальной попытки бабушка-разведчица сама нашла психиатрическую больницу и попросила с этим её желанием что-то сделать, потому что у неё две девочки на руках. Одной – тридцать девять. Другой – семь. И ей не на кого их оставить, потому что водитель автобуса – он не муж и не папа. Он просто водитель автобуса.

Сразу слева от маленькой кухоньки была комната. «Большая комната». Пятнадцать метров. Там они все – и мама-парикмахерша, и муж-папа-водитель автобуса, и бабушка-разведчица, и маленькая Наташка – спали. После того как бабушка первый раз попыталась самостоятельно умереть, мама-парикмахерша наняла рабочих – и они установили перегородку. И у бабушки был теперь самостоятельный закуток, где стояла её кровать. Чуть позже, когда Наташка подросла, туда же впихнули и Наташкину кровать. И квартира стала роскошной – двухкомнатной. Для полной и окончательной роскоши не хватало только ванной комнатки или хотя бы душа, потому что ванная заняла бы всю кухню. Но Наташкиной маме-парикмахерше было некогда этим заниматься. А водителю автобуса было всё равно – он и немы-

тый себя замечательно чувствовал. Бабушка, парикмахерша и Наташка раз в неделю ходили в баню на Ленина. А когда Наташка пошла в первый класс и сильно подружилась с девочкой-одноклассницей, живущей прямо через дорогу, то мыться бабушка-разведчица, мама-парикмахерша и Наташка-первоклассница стали ходить к ней. Девочка-одноклассница жила в «сталинке», и у неё была отдельная кухня, отдельный просторный туалет и совсем уж непомерно огромная ванная комната. Коридор квартиры девочки-одноклассницы был размером со всю Наташкину квартиру. И девочка-одноклассница, когда первый раз побывала у Наташки, очень сильно удивлялась своей маме, потому что та постоянно жаловалась, что их квартира маленькая. И непрерывно об этом ныла, хотя никто не упирался ей коленками в её совершенно здоровый красивый зад, когда она жарила рыбу на четырёхконфорочной плите на кухне размером в полторы Наташкиных квартиры. Но мама девочки-одноклассницы всё равно была добрая, потому что разрешила купаться в своей ванне и Наташке, и её маме-парикмахерше, и даже бабушке-разведчице. И разрешила своей дочери-отличнице дружить с толстой и глупой Наташкой. Потому что Наташка была очень доброй.

Сухоньякая старушка бегала в шесть утра на Привоз. А в полвосьмого брала Наташку за пухлую ручку и вела её в школу. Так было и в семь Наташкиных лет. И в восемь. И в девять. И в десять. И в одиннадцать. И в двенадцать. И в три-

надцать. И в четырнадцать.

Все смеялись над Наташкой. Она становилась всё толще, и никакие конские хвосты и яркие голубые глаза не могли помочь. Потому что когда ты толстый, еле-еле троечник, у тебя рыжие веснушки и в школу тебя – здоровую дылду – водит бабушка, меньшая тебя вдвое, – дети бывают очень жестокими. Дети вообще всегда очень жестокие. Не такие, конечно, как некоторые взрослые, но зато все. Взрослые жестоки только некоторые. А дети – все. Дети ещё не умеют скрывать свою жестокость, как умеют скрывать жестокость взрослые.

И хотя Наташка давным-давно могла бы ходить в школу сама или со своей подружкой-одноклассницей из дома напротив, она ходила в школу за руку с бабушкой. Потому что очень любила свою иссушенную старушенцию. И в семь, и в восемь, и в девять, и в десять, и в одиннадцать, и в двенадцать, и в тринадцать, и в четырнадцать она очень-очень любила её и ходила с ней за руку не только в школу, но и на Куликово поле Девятого мая.

Подружка-одноклассница-отличница, помогая Наташке делать уроки, не раз призывала её совершить какой-нибудь демарш, дабы отвоевать независимость, но глупая, толстая, добрая Наташка лишь вздыхала, глядя на подругу, и помахивала потрясающими коровьими ресницами. Подружке-однокласснице казалось, что ресницы у Наташки с полметра, не меньше! Не раз и не два она призывала Наташку меньше жрать, чтобы стать потрясающе красивой, но Наташка

лишь вздыхала и говорила: «Бабушка встаёт в шесть и идёт на Привоз. Я не могу не есть».

Подружка-одноклассница-отличница начинала много, горячо и складно говорить, но толстая, глупая еле-еле троечница Наташка лишь вздыхала и, похоже, понимала куда больше, чем даже и близко не могла себе представить красноречивая подружка. Отличники всегда знают жизнь хуже троечников. Ну, почти всегда.

Зато в пятнадцать бабушка уже не водила Наташку в школу и на Парад Победы за пухлую ладошку.

Потому что вечером восьмого мая в дом к подружке-однокласснице-отличнице пришла заплаканная испуганная Наташка – сама, через дорогу! – и сказала открывшей дверь подружкиной маме:

– Тётя Мая, я проснулась, а у меня там мёртвая бабушка и мёртвая мама. И я не знаю, что делать.

Иногда взрослые знают, что делать, спасибо им за это.

А иногда взрослые сходят с ума – и те, ради кого они жили, остаются одни-одинёшеньки и совсем не знают, что делать. Безумие не заслуживает благодарности.

Бабушка-разведчица хлопнула бутылку нашатырного спирта. У парикмахера, частенько работающего на дому, этого нашатырного спирта просто вагоны – завмаги и заврайоны так любят быть блондинками... Мама-парикмахер, при-

шедшая с работы, обнаружила дома мёртвую мать и спящую дочь и... хлопнула следующую бутылку нашатырного спирта. Почему не проснулась Наташка? Смерть от достаточного объёма нашатырного спирта, принятого внутрь, достаточно шумна и неприглядна и должна была бы разбудить подростка. Но Наташка не проснулась, потому что хитрая бабушка-разведчица растворила в компоте из сухофруктов пару таблеток транквилизаторов, оставшихся у неё с последней терапии, – она их намеренно не принимала. Нет, она не хотела отравить внучку. Она хотела, чтобы внучка крепко-крепко спала. Почему мама-парикмахерша взяла да и хлопнула следующую бутылку нашатырного спирта, вместо того чтобы вызывать «Скорую», милицию, труповозку, соседей, хоть кого-нибудь? Почему она не закричала, не завывала, не стала трясти дочь? Ничего не стала делать, а молча выпила нашатырный спирт? Неизвестно. Возможно, она подумала, что и дочь мертва и тогда зачем жить? Но в таких случаях не надо думать, надо действовать. Ну, хотя бы удостовериться в том, что дочь мертва. Или в том, что она жива. А для этого нужен врач. Или милиционер. Или сосед. Хоть кто-нибудь. Но мать-парикмахерша не стала никого звать. Может быть, потому, что безумие иногда передаётся по наследству? Или потому, что есть такое состояние – шоковое. Неизвестно...

Известно только то, что и бабушка-разведчица и мама-парикмахерша весьма жестоким способом отправили себя в мир без печали, а Наташка – совершенно не приспособлен-

ная к жизни, забалованная, толстая, натуральная блондинка Наташка с потрясающими голубыми глазами и размахом ресниц в полметра – осталась один на один с водителем автобуса. В смысле, со своим папой. Биологическим отцом.

Бабушку-разведчицу и маму-парикмахершу похоронили рядом на Таировском кладбище. Наташка осталась жить в своей квартирке со своим папой. Закончился двадцать пятого мая восьмой класс – и Наташка ушла учиться в парикмахерское ПТУ. Мама-парикмахер, когда была жива, постоянно говорила, что её дочь поступит в институт. Но поступить в институт с Наташкиными знаниями и способностями без мамы-парикмахера не представлялось возможным. Директор школы вызвала к себе Наташкиного папу и сказала, что у его дочери в свидетельстве об окончании восьми классов будут стоять тройки, хотя на самом деле там должны были бы стоять двойки. Но Наташка – хорошая добрая девочка, и всем первоклашкам заплетает косички, и всегда помогает техничке... Очень хорошая, очень добрая, очень нежная, очень рукастая девочка. Ну, не всем даются языки с алгебрами, бывает. Ничего страшного. И она, директор, настоятельно рекомендует ему, Наташкиному отцу, пристроить девочку в какое-нибудь профессионально-техническое училище, потому что душа у его дочери золотая, а вот голова, увы и ах, из другого металла.

Водитель автобуса никогда особо не вникал в дела своей дочери – для этого были мама-парикмахерша и бабушка-раз-

ведчица. Потому, вернувшись от директрисы, он выдрал Наташку шлангом за то, что она дура. Вины директрисы в произошедшем нет, потому что та считала, что все в Наташкиной семье к ней, Наташке, относятся хорошо. Раз к ребёнку хорошо относятся мама и бабушка, то и отношение папы само собой разумеется, не правда ли? Увы, в данном случае директор не особо разобралась в ситуации, потому толстая, глупая, нежная и добрая Наташка была избита водителем автобуса. То есть шлангом, который был в руках у водителя автобуса. Он старался бить не сильно, но когда ты бьёшь кого-то шлангом, то старайся – не старайся, а гематомы по всему телу страшные. Особенно страшны эти гематомы, если это гематомы на теле твоей собственной дочери, избитой твоими собственными руками твоим собственным шлангом.

Подружка-одноклассница была сильно увлечена учёбой, и не то чтобы с глаз долой – из сердца вон, но заходила к Наташке всё реже и реже, а потом и вовсе перестала заходить. Люди вообще больше любят заходить туда, где радостная мама-парикмахерша и весёлая, остроумная бабушка-разведчица, и вкусная еда, а не туда, где злобный водитель автобуса и Наташка, похожая глазами не на добрую ухоженную швейцарскую корову, а уже на снулую рыбу, забытую в жаркий полдень на пирсе.

В начале десятого класса подружка – бывшая одноклассница поняла, что не видела Наташку уже полгода. И не просто не заходила, а именно не видела. Частенько, делая уроки

за столом у своего большого красивого окна «сталинского» дома и поднимая глаза от тетрадок и учебников, она видела, что через дорогу её толстая, глупая, добрая подружка сидит на скамеечке под деревом, окружённая малышняй, которую Наташка так любила, а подружка – бывшая одноклассница как раз не любила. Видела – и уговаривала себя, что у Наташки всё хорошо и чего к ней ходить, когда там этот противный, потный и вонючий водитель автобуса пиво с водкой пьёт? Ну и потом, всем хорошо известно, что если достаточно аргументированно поспорить с собственной совестью, то станет ясно, что хотела бы Наташка тебя видеть – сама бы зашла. Раньше, вон, бегала мыться чуть не каждый день, а теперь на скамеечке с малышняй торчит. Особенно забавляется с этой мелкой Иркой, у которой заячья губа. Сама не заходит – ну и на здоровье. Обойдётся. Наташка – толстая и глупая. У Ирки – заячья губа. Бог знает, как парует. А ты – умная, стройная и без физических недостатков. Безо всяких уродств. Вот и славно. Разошлись пути-дорожки.

Подростки ещё более жестоки, чем дети. Ещё не избавились от детской жестокости, но уже обзавелись взрослой. И ещё не научились эту взрослую жестокость скрывать. Берегитесь подростков. Они как та японская рыба, если не уметь её готовить...

И вот, в один из дней конца сентября – в начале десятого класса – бывшая одноклассница-подружка поняла, что давным-давно не видела Наташку там, через дорогу на скамееч-

ке. Тогда она встала и через эту дорогу пошла. Из арки своей «сталинки» в подъезд греческо-еврейско-украинско-молдавского «шанхая», коими был полон этот южный приморский город. Поднялась по трём лестницам и прошла три веранды. Зашла в тамбур и толкнула дверь. Но дверь была закрыта.

Ничего удивительного. Бабушки уже нет. И значит, некому чистить рыбу тазами и заносить её на кухню, держа в зубах беломорину. И нет мамы-парикмахерши, а водитель автобуса вполне может быть со своим автобусом, а Наташка в ПТУ.

Подружка – бывшая одноклассница на всякий случай постучала. И постучала ещё. Помолотила кулаками в дверь. И даже в соседнюю дверь.

Потом через ту же дорогу она вернулась к себе.

Но какие бы аргументы вы ни приводили в споре-скандале с собственной совестью, совесть всё равно победит. Во всяком случае, пока вы ещё не совсем взрослый, хотя и со стигмами взрослости, подросток.

Подружка – бывшая одноклассница тревожно смотрела на подъезд через дорогу и через час сбегала ещё. Потом стемнело, и она смотрела на единственное, выходящее на улицу Наташкино окно единственной, по сути, комнаты Наташкиной квартиры. В окне не зажигался свет.

Подружка... Или уже не подружка? Девочка-ровесница. Наташкина ровесница. Пусть будет так. Девочка-ровесни-

да написала записку, снова перебежала через дорогу, поднялась по трём лестницам, прошла три веранды и зашла в тамбур. Ещё раз постучала на всякий случай в дверь Наташкиной квартиры. Тишина... Она стала думать, куда бы приладить записку. В тамбуре хоть глаз выколи, но девочка-ровесница помнила всё наизусть. Пока она думала, открылась соседняя дверь. Оттуда вышла женщина в ярком халате-кимоно. Мама-парикмахерша всегда называла эту женщину «проституткой», и девочка-ровесница и Наташка её немного боялись. Правда, Наташка рассказывала тогда ещё подружке-однокласснице, что «проститутка» весёлая, добрая, у неё в комнате шик-блеск-красота, и она всегда угощает Наташку вкусными конфетами, когда мама не видит, и гладит по голове, приговаривая: «Бедная девочка. Тяжело тебе с этими ненормальными и жлобом педальным в придачу». Кто такой «жлоб педальный», Наташка не знала. Кто такие «ненормальные» – тоже. Потому что считала и эту квартиру, и эту бабушку, и эту маму, и этого папу вполне нормальными, как поначалу каждый считает нормой изначальную данность. Однажды мама-парикмахерша увидела, как Наташка берёт конфету у соседки, – вырвала из рук и долго кричала, что никогда и ничего нельзя брать у чужих, особенно у «грязных проституткок», а потом упала и забилась в судорогах. И «проститутка» даже вызвала маме «Скорую», потому что у неё есть такая же роскошь, как и у одноклассницы-подружки, – телефон. И это очень странно, потому что

мама-парикмахерша как-то хотела провести телефон и даже куда-то там ходила. Но где-то там ей сказали, что их дом не телефонизирован и даже в очереди не стоит. Странно. Откуда же тогда телефон у «проститутки»? И почему мама называла её «грязной»? Она как раз очень чистенькая всегда, сияющая и улыбается. И перед тем как вызвать «Скорую», быстро подложила маме под шею какую-то свёрнутую чистую тряпку, в зубы засунула чистую деревянную ложку, а Наташку отвела к себе в чистую квартиру. Тогда-то Наташка и увидела, какие там шик-блеск-красота!

– Здравствуй, девочка! – приветливо сказала «проститутка». – Я тебя помню. Ты – Наташкина подружка. Заходи! – и улыбнулась.

Девочка-ровесница с опаской зашла в «шик-блеск-красоту».

«Проститутка» напоила её чаем с конфетами и рассказала, что «жлобу педальному» дали двухкомнатную квартиру где-то на Фрунзе. И он туда переехал вместе с Наташкой.

– Бедная-бедная девочка. Невинное, забалованное, совсем не приспособленное к той жизни, что у неё сейчас, дитя. У неё был такой открытый взгляд. Такой доверчивый. Такие яркие добрые глаза. Голубоглазая глупышка... Они вытирали ей задницу до четырнадцати лет, и она не знала, в

какой стороне хлебный и чем рубль отличается от копейки. Они сделали всё, чтобы она без них никуда, даже в самой малости. А потом взяли и траванулись хором, дуры ненормальные! Плохо их там, в дурдоме, лечили, что одну, что другую. Сдохли, оставив эту чудо-блондинку одну-одинёшеньку. Водила не в счёт. Ей-богу, в одиночку она бы ещё выжила... Как можно!.. Если бы она хотя бы была пацаном... Но она же... – «Проститутка» всхлипнула и утёрла глаза рукавом своего цветистого халата, – ...девочка.

– А где на Фрунзе?! – спросила девочка – ровесница Наташки, удивившись тому, что не только бабушку-разведчицу, но и маму-парикмахершу лечили в «дурдоме». Наверное, тогда, когда она впервые в жизни поехала отдыхать на месяц. Помнится, Наташка никак не могла сказать, куда именно. И в бабушкину руку после школы вцеплялась как потерянная.

– А я знаю?! – ответила бывшая Наташкина соседка бывшей Наташкиной подруге. – В новостройке. Там их немного. Девятиэтажка ближе к Пересыпи. Я спросила у этого жлоба педального адрес, но он меня послал на... Послал, девочка. Прости.

Будь девочка-ровесница чуть сообразительнее, а не такой же фактически глупой домашней девочкой, как Наташка, она бы подключила к поискам своих родителей и тогда, быть может, эта история развивалась совсем по-другому. Родители девочки-ровесницы сделали бы всё правильно. Сперва

бы они обратились в справочную и нашли человека по имени-фамилии. Затем бы они обратились в милицию... Хотя, а что сделала бы милиция? Ну тогда, может, что-то бы ещё и сделала. Если бы родители девочки-ровесницы подключили к поискам директрису, добрую, умную, справедливую – и депутата, то...

Но девочка-ровесница Наташки ничего не сказала своим родителям, кроме того, что Наташка и её отец переехали в новую квартиру.

– Ну и слава богу! – сказала мама девочки-ровесницы. – Хоть в человеческих условиях твоя Наташка жить будет, а не в этом сарае.

Девочка-ровесница самостоятельно обошла всю новостройку-девятиэтажку, ту, что ближе к Пересыпи. Вечером, когда большинство жильцов дома. Потому что дом – это такое место, куда приятно возвращаться после работы или учёбы и пить чай с конфетами, и смотреть телевизор, и заниматься всякими приятными и милыми глупостями вроде игры с папой в шахматы. В общем, девочка – ровесница Наташки поступила как самый что ни на есть индивидуум лёгкой степени дебильности – они, как известно, весьма социально адаптированы, если дело касается мелочи вроде «найти квартиру». Увы, найти квартиру – не то же самое, что найти человека.

Уже во втором подъезде на третьем этаже она наткнулась на искомое. Наконец-то дверь ей открыли не незнакомцы-новосёлы, у которых она пыталась выяснить, не знают ли они, где тут живёт такой-то и голубоглазая девочка-блондинка с конским хвостом толщиной в руку и рыжими веснушками. Незнакомцы-новосёлы кто бурчал, кто что-то жизнерадостно отвечал и советовал, но люди в новостройках редко знакомы друг с другом, даже живя бок о бок. И тут, во втором всего лишь подъезде, на третьем всего лишь этаже – такая удача! Дверь открыл водитель автобуса!

– Здравствуйте! – радостно воскликнула девочка – ровесница Наташки. – Вы меня помните?

– Привет! – озлобленно буркнул он. – Помню. Чего тебе?

– А Наташка дома? – всё ещё по инерции радостно спросила девочка-ровесница, не понимая, почему давно знакомый ей водитель автобуса не приглашает её войти.

– Нет её, – раздражённо буркнул Наташкин отец. И всем своим видом дал понять, что беседа окончена. И даже начал закрывать дверь.

– А когда будет? – Девочка-ровесница с неожиданной для себя самой ловкостью и наглостью просунула ногу между дверью и косяком.

– Не знаю. Никогда. Какого чёрта?! Она сбежала из дому! – быстро проговорил он.

– Кто там?! – крикнул из квартиры недовольный дребез-

жащий женский голос.

– Никого! Ошиблись! – крикнул он в квартиру и, наклонившись к девочке-ровеснице, зловеще прошептал, дыхнув на неё перегаром: – Удрала твоя подружка-шалава с мужиком. Не хер сюда бродить больше, поняла? Шею сверну! – пнул девочку-ровесницу по ноге и захлопнул дверь.

Девочка – ровесница Наташки не стала рассказывать эту историю ни маме, ни папе. Если рассказать маме – она будет ругать за то, что шлялась по незнакомому малоприятному району одна и – ужас-ужас! – вечером. Всё что угодно могло произойти. Её могли убить, изнасиловать, напугать и так далее. Мама была спецом в таких страшилках и была права, разумеется. Но что толку теперь говорить, когда уже шлялась вечером и одна. Если рассказать папе – то он только посоветует не рассказывать маме и предложит сыграть «партейку». А от партейки в шахматы, сколь угодно хитромудрой и красивой, ещё ни один человек не находился. И к тому же у девочки-ровесницы не было оснований не верить водителю автобуса. Ну, сбежала и сбежала. Бывает. От своих родителей иногда хочется сбежать, а они куда лучше водителя автобуса. Странно только, что сбежала «с мужиком». Наташка даже в четырнадцать в куклы играла – наряжала их, кормила «как взаправду». И с малышнёй вечно возилась. Ни на каких мужиков она никогда внимания не обращала. Похоже, она так и не узнала значения слова «проститутка». Так, поди, и думает, что «проститутка» – это добрая, весёлая, чистенькая

женщина, в ярком цветастом халате, с телефоном, и чай у неё сладкий и конфеты всегда есть.

В общем, была Наташка – и нет Наташки. Фото осталось с одного из дней рождений. Наташка в шикарных блондинистых локонах, глаза сияют голубыми солнышками, веснушки рыжие. И всё это в цвете, не смотри, что фотография чёрно-белая. Наташка сбежала. Фотография в альбоме. Чужое дело закрыто. Потому что своих дел у десятиклассницы-отличницы по горло. Это только мисс Марпл заняться больше нечем, кроме раскрытия убийств. А тут и убийства никакого не было. Просто человек сперва лишился бабушки и мамы в одночасье, потом переехал, а затем – сбежал.

Как сбегает время.

Как сумасшедшее.

Как вниз по лестнице к морю в жаркий день, чтобы быстрее окунуться в прохладные волны.

Мысли о прохладных волнах особенно назойливы в августовском мороке Седьмого километра Овидиопольского шоссе. Огромный рынок недалеко от южного приморского города. «Толчок»² – как называют его местные. Видимо, от

² Слово «толчок» в письменном виде в смысле «рынка» было употреблено в одесском путеводителе за 1908 год: *«Из промышленяющих на «толчке» почти все люди «дошлые». Пройдохи, выдавшие виды и большие психологи. Они здесь, как рыба в воде. Знают друг друга, друг друга поддерживают, сплачиваются вместе с целью объегоривания простачка...»* Что правда рассказывал путеводитель «для иностранных господ» не о рынке, возникшем много позже на Седьмом километ-

слова «толчая», потому что тут тесно, как на Кольцевой линии Московского метрополитена в час пик. Хотя и дерьма, признаться честно, на этом «толчке» навалом, хотя аборигены и утверждают, что к сантехнике этот стихийный промтоварный рынок не имеет ни малейшего отношения. Некондиционного – для куда более цивилизованного, чем здесь, мира – просроченного дерьма в виде копеечных товаров широкого потребления, который тут толкают по весьма неумеренным ценам. Но пока и этому рады. На фоне этого, что вот-вот развалится, чему угодно обрадуешься. Тому, что можно купить босоножки не у гостиницы «Лондонская» или «Красная», опасаясь, что тебя посадят или, как минимум, исключат из комсомола за «фарцу». И эти нынешние, «толчковые», босоножки хоть отдалённо, но напоминают летнюю обувь, а не колодки для каторжников производства обувной фабрики имени светлого коммунистического будущего, что так и не наступит. И толпы людей – какого уж есть, но настоящего, – стекаются на Седьмой километр Овидиопольского шоссе.

Толпы людей, море бросовых турецких, польских, греческих и итальянских товаров – в основном тряпок и обуви. Море... Тьфу ты! Опять море. Вот лучше бы на море сейчас, чем здесь париться. Сталкиваться с потными телами. Тесниться у прилавков. Шумное, гомонящее, разгорячённое людское море. Но ничего не поделаешь – нужно приодеться к

ре Овидиопольского шоссе, а о толчке, находившемся в центре Молдаванки, – Староконном рынке.

шестому курсу. Так что студентке-отличнице остаётся только сосредоточиться, выбрать, купить и смотаться побыстрее. На море. На нормальное море из солёной воды, а не из пропотевших, солёных, разгорячённых людей.

– Чай-кофе-капучино-холодная минералка!

– Шо вы мне впариваете, оно три копейки стоит, а вы мне тут говно за слона продаёте!

– Так не берите!

– Так я и не беру!..

– Чай-кофе-капучино!..

– Так уже идите себе!

– Так я и иду!..

– Яна, я пойду в машину, у меня уже ноги болят!

– У тебя всегда ноги болят, как только ты сюда приедешь!

– Такие у меня ноги, шо я им скажу?!

– Холодная минералка!..

– Давайте ваше говно, я его померяю!

– Не надо мерить моё говно, мерьте своё!..

– Почём эти целлофановые тапки?

– Эти прекрасные кожаные туфли – двести!

– Двести чего?

– Двести отжиманий. Начинайте. Если отождмётесь и не сдохнете – подарю, будете ходить как новенький. Если отождмётесь и сдохнете – подарю вашей жене, будете хоть в гробу обуты как человек!..

– Чай-кофе-капучино!

– На Староконке хоть рачков продавали!

– Вам рачков с капучино?

– Мне сказать!

– А если вам сказать, так и молчите! И не мешайте работать! Чай-кофе...

– Мадам, пирожки есть?

– Есть.

—Ну если есть, так знаете анекдот? Революция. Молодой полицейский Федя арестовывает юного революционера Васю, который орёт: «Долой царя! Долой правительство министров-капиталистов!» Гражданская война. Красногвардеец Вася арестовывает бывшего полицейского, спекулянта Федю. Отечественная война. Командир полка Вася сражается за советскую родину, Федя отбывает очередной

срок за спекуляцию. Семидесятые годы. Майор милиции Вася арестовывает матёрого волка фарцовки Федю. Восьмидесятые. Пенсионер Вася торгует пирожками. Возле него останавливается лимузин, телохранитель открывает заднюю дверцу, из машины выходит Федя: «Слушай, Вася, что ж ты тогда орал: «Долой царя!»? Неужто тебе царь-батюшка запрещал пирожками торговать?»

– Ну ты пошутил, я тоже посмеялась. Так будем покупать пирожки или будем дальше слюнями брызгать?

– Мадам! Дайте два! Вы сформировали мою лояльность!

– На тебе три, пока мои правнуки в Гарвард не поступили, а твои не стали орать: «Долой правительство министров-капиталистов!»

– Вы берёте?

– Скорее нет, чем да.

– А так, чтобы скорее да, чем нет?

– Так уже скорее дарите, я только вчера был именованник по греко-католической версии.

– Котик, это очень дорого! Зайка, давай походим ещё, что ты тут уцепилась, мы только зашли. Ласточка, посмотримся-поторгуемся...

– Рыбка, вы за ним замужем или в любовницах? Первое – глупо, второе – стыдно!

О, никогда-никогда не умрёт язык этого южного приморского города, хотя хоронят его регулярно. В крови у местных афористичность и лингвистическая ёмкость, точность формулировок и уместность едких ремарок. Но не до того студентке-отличнице. Её это всё раздражает. Студентке-отличнице нужны новые джинсы, новые ботиночки и новая кожаная куртка. Старые джинсы уже никуда не годятся, старые ботиночки ещё вполне годятся, но они же уже старые! А новая кожаная куртка нужна, потому что старой у студентки-отличницы ещё никогда не было. Она хочет всё это купить, потому что накопила денег, и побыстрее выплыть из моря людского, чтобы поплавать в море Чёрном.

– Чай-кофе-капутино!..

– Чья это кожа?

– Это турецкая кожа.

– Я вас спрашиваю, чья эта кожа?!

– Так бы сразу и спросили. Телячья.

– Так я так сразу и спросил. А похоже на свиную.

– Вы что, обалдели?! Мусульмане не шьют из свиней.

– А турки что, мусульмане?

– А по-вашему, турки кто?

– А по-моему, турки – они хасиды.

– Шо вы себе думаете?! Вы хоть знаете, какие они, хасиды?

– Точно телячья?

– Вы будете брать или вы тут поговорить?

– Я не могу брать, не поговорив...

Голоса-голоса-голоса... Они сливаются в гул, и студентке-отличнице не до языковых изысков. Незнакомые голоса сливаются в незнакомый гул. Жара, душно, дурно...

– Холодная минералка!..

– Если это фирменные джинсы, то я – папа римский.

– Это фирменные джинсы. Бьюсь об заклад на вашу папскую тиару!..

– А чтобы взять?

– Это уже чтобы взять!

– Да я себя уважать перестану!

– Уж что-что, но это вы легко переживёте!

– Зачем вы меня обсчитываете?

– А зачем вы ко мне с долларами пришли? Когда я вижу доллары, я не могу не обсчитать. Такой у меня недостаток.

– Держите ваши недостатки в узде.

– Когда я вижу доллары – мои недостатки необузданны.

– Люся! Когда ты видишь любые деньги, твои недостатки необузданны... Рассчитай товарища по человеческому курсу, и я с тобой буду иметь серьёзный разговор!

Голос!

Голос!.. Это же классика! В человеке может измениться всё. Только не голос. Знакомый голос посреди моря незнакомых – это как маяк... Студентка-отличница поворачивается на голос, властно приказавший какой-то Люсе «рассчитать товарища по человеческому курсу», и видит... Видит прекрасно, дорого и со вкусом одетую стройную блондинку с конским хвостом, голубыми глазами и рыжими веснушками. Она кого-то ей смутно напоминает. Коровьи ресницы с размахом в полметра. Но взгляд, взгляд... Жёсткий, холодный, расчётливый. И... Ну нет! Та была глупая, добрая и толстая. А эта... Эта явно умная, очевидно, не так уж и добра, и тощая, килограммов пятьдесят вместе с конским хвостом толщиной в руку. Хоть сейчас на подиум. Да она на пару сантиметров выше самой студентки-отличницы, хотя та тоже во все не гном.

– Не может быть! – произносит вслух студентка-отличница, и красавица-блондинка внезапно отвлекается от Люси и смотрит на студентку. Взгляд её меняется...

– Подружка! – вдруг вопит она. – Чёрт возьми! Сколько лет, сколько зим!

– Семь. Если быть точными. Наташка, это ты?

– Ну а кто же ещё, кто же?! – подскакивает Наташка к девушке-ровеснице и радостно тормошит её. – Пошли, пошли

скорее... пошли, тут есть спокойные места.

Она на мгновение оборачивается к той самой Люсе и, не отпуская подружкиной руки, говорит торговке жёстким тоном:

– Вечером сдашь кассу – поговорим. Всё поняла?

– Да, Наталья Николаевна, – коротко, расстроено и несколько даже по-коровьи обречённо-покорно говорит Люся.

– За ними глаз да глаз нужен! – говорит Наташка подружке, таща её за собой через толпу. Чувствуется, что она тут как рыба в воде и ей в её передвижениях людское потное солёное море – не помеха. – Я тут девять контейнеров держу. Только успевай!

Наташка? Наташка, с трудом складывавшая в столбик двухзначные цифры когда-то в школе, «держит» девять контейнеров на Седьмом километре? Студентка-отличница не может всё это уложить в своей напичканной книжными знаниями голове.

Они идут с Наташкой на задворки «толчка». Там тень, столики, хороший кофе, терпкий коньяк и ледяная минералка. Наташку всё время отвлекают какими-то деловыми разговорами, и студентка-отличница чувствует себя тут не в своей тарелке. Как будто она в костюме зайчика по ошибке

вместо детского утренника попала на переговоры деловаров в ночном кабаке.

– Так! Тут не поговоришь. Короче, на тебе адрес! – Наташка быстрым летящим почерком пишет адрес на плотном листе, вырванном из дорогого блокнота в кожаном переплётёте. – Жду тебя вечером у себя. Всё. И не спорь.

Наташка крепко целует подружку и, крикнув куда-то: «Счёт на меня запиши!» – исчезает в мороке рынка.

Подружка смотрит на плотный лист, и никаких мыслей, кроме тех, что неужели этот почерк – почерк той самой Наташки, что только к третьему классу научилась выводить что-то мало-мальски похожее на прописные буквы? – у неё нет.

«Ни фига себе!» – только и думает она до вечера.

«Ни фига себе!» – думает она вечером, понимая, что адрес на листе привёл её к тому самому дому на Фрунзе, но к другому подъезду и к другой квартире.

«Ни фига себе!» – останавливается она у роскошной бронированной двери.

«Ни фига себе!» – нажимает она на звонок.

Дверь тут же распахивается, и Наташка накидывается на неё с объятиями:

– На кухне! На кухне!!! Я накрыла на кухне! – кричит она

и тащит подругу на достаточно просторную кухню. Удачный проект. – Помнишь, как мы всё время сидели на кухнях? И на моей и на твоей. Только на кухне!

– Ты как?! Ты где?! Ты что?! – голосит Наташка после первой. – Ты же всегда была у нас самой умной!

– Да я обыкновенно. Учусь. Последний год вот будет... Да у меня ничего такого. Замуж сходила-развелась. Работаю санитаркой. Ничего особенного. Ты лучше про себя расскажи!

– По второй! Давай срочно по второй! Возьми вот это закусить! Пальчики оближешь. Так бабушка готовила. Не знаю, откуда у меня так получилось, но я однажды купила синие, лук, чеснок, помидоры – и у меня получилось так же! Представляешь? Никогда до этого – и сразу получилось! Наверное, человек может запоминать, не помня. Или как там правильно сказать.

– Ты правильно сказала. «Запоминать не помня» – это просто-таки афоризм, Наташка.

– Да хорош издеваться! Ты говоришь куда правильнее меня!

Звонит телефон.

Аппарат стоит у Наташки прямо в кухне. То есть не стоит, а висит на стене.

– Давай быстро, вздрогнули!

Девушки опрокидывают стопки. Наташка поднимает трубку, жестами показывая подружке, чтобы та закусила икрой из синих, говорит «алло», немного слушает, а потом сама начинает говорить в трубку что-то на иностранном языке. Непонятном подружке. Не английском. На каком-то немного лающем, как бы спотыкающемся о согласные. Но она говорит не спотыкаясь. Подружка на английском говорит куда более медленно, хотя и в школе учила, и на курсах, и с педагогом отдельно занималась. Наташка на этом гортанном языке говорит так быстро и так складно, как будто долго и много общалась с носителями этого самого лающего, спотыкающегося о согласные языка.

– И здесь покоя не дают! – весело кричит уже по-русски Наташка, положив трубку и выдёргивая штепсель телефонного шнура из гнезда. – Сейчас быстро по третьей за встречу – и пожрём немного. Жрать хочу – помираю...

Наташка с подружкой выпивают и едят.

После еды выпивают ещё, и Наташка, наконец, начинает рассказывать.

Жить с водителем автобуса оказалось не очень-то. Сразу после похорон и оказалось. Когда съели всё то, что осталось от поминок – поминки-то, к слову, организовала та самая «проститутка», – папенька захотел жрать. Пришёл с работы домой, кинул какие-то деньги Наташке и сказал, чтобы завтра что-то купила-сварила. Наташка и купила. Тортов,

конфет и мороженого. И больше у неё ни на что денег не осталось, хотя она честно хотела купить ещё и докторской колбасы, потому что сама её очень любила. Но бабушка всегда готовила отварную телятину. Наташка тогда, сразу после похорон бабушки и мамы, слабо представляла себе, что такое «телятина». Просто знала, что «отварная телятина» – это очень вкусно и её готовит бабушка. Но иногда хочется и докторской колбасы. Но бабушка и мама говорили, что туда добавляют туалетную бумагу. Но денег всё равно не осталось после тортов, конфет и мороженого. Торт она съела сама, мороженое растаяло, потому что Наташка не знала, что его надо ставить в холодильник. При бабушке и маме она думала, что мороженое всегда такое и вообще в таком вот виде и существует, пока его не съедят из стаканчика или, там, из хрустальной мороженицы.

– Ты же знаешь, они никогда не разрешали мне есть мороженое на улице или на пляже, потому что обязательно заболит горло, – Наташка горько усмехнулась. Хотя тональность её рассказа была скорее ироничная. – Ну да, понимаю, что ты сейчас думаешь, – сказала Наташка подружке. – Но не рассказывать же обо всём этом со слезами на глазах. Тем более что все бытовые неурядицы и шланги – ничто по сравнению с тем, что произошло позже.

Наташка разрывалась между попытками наладить быт,

своим ПТУ, где, оказывается, те же уроки, что и в школе, а не только ремесло. Придираются, правда, куда меньше. Посещаешь занятия? Вот и молодец. Уже отличник. А потом ещё папеньке и квартиру дали. Наташка очень обрадовалась. Еле пережила переезд, потому что складывать вещи оказалось вовсе не так легко. Вот бабушка и мама – те всё умели. А потом водитель автобуса – он же на работе. И когда Наташка ошиблась, рассчитываясь с грузчиками, он так отходил её шлангом, что она неделю лежала в постели. Она же о деньгах тогда имела очень смутные представления.

А в новой квартире у папеньки быстро появилась новая жена. И Наташке она была не очень рада, хотя Наташка вела себя тише воды ниже травы. И вот в один прекрасный день... Или ужасный день?.. В один из ужасных дней в череде других ужасных дней водитель автобуса сказал Наташке:

– Вот бог, а вот – порог.

До шестнадцатилетия оставалась неделя.

– Папа, куда же я пойду? – спросила его Наташка.

– А это я не знаю, ты уже взрослая.

Родственников у Наташки не было. Она не знала, куда идти.

– Почему же ты не пришла к нам?! – воскликнула подружка.

– Ты знаешь... Не знаю почему. Это сейчас всё рассказывать – так – слова перебирать. А тогда... Бабушка и мама были для меня всем. И вот я всё потеряла. Папа... Тьфу ты, господи! Смешно. Такое слово – папа. Никак к водителю автобуса не идёт. Водитель автобуса тогда, когда были мама и бабушка, проходил фоном. Ну есть. Ну жрёт, пиво пьёт. Иногда водку. Под маминым «Запорожцем» лежит. Бабушку и маму дурами называет. Но негромко, из угла. Всё. И это всё стало всем, что у меня осталось. И когда он выставил меня за дверь, сунув в руку двадцать пять рублей одной бумажкой, я вообще как будто ориентацию потеряла. Иду с сумочкой – маминой ещё, я за неё схватилась – и не знаю, куда иду, зачем иду. Дошла до какого-то кафе. Зашла. Пельменей себе тарелку купила и стакан кефира. Потом выяснилось, что это было не кафе себе уличное, а привокзальная тошнилровка. Я дошла пешком до вокзала. Почему? Не помню. Может быть, хотела куда-то уехать. А куда? И как? Паспорт дают в шестнадцать. И то, если прописка есть и ты сам за паспортом пошёл. Это я всё потом узнала, ага. А тогда заказала пельменей и стакан кефира, потому что есть очень хотела. Двадцать пять рублей этих так в потном кулаке и держала. Ко мне кент какой-то подошёл, мол, что такая молодая-красивая на вокзале делает? Работает? Нет, говорю ему, не работаю. У меня работы нет. Я ещё учусь в ПТУ. Меня отец из дому выгнал.

Кент спросил, сколько мне лет. Я сказала, что скоро шестнадцать. Уточнил, где же мама и почему отец из дому выгнал. Всё рассказала. Он такой, знаешь ли, заботливый, внимательный. Ну прям добрый дядюшка. Про родственников уточнил. Сказала, что нет никого. Были бабушка и мама. И всё. И папа. Был...

Наташка налила ещё и закурила.

– И что? – нетерпеливо спросила подружка.

– И всё. Давай, за нас, женщин!

Девушки выпили.

– Что всё?

– Предложил ночлег. А затем и работу. – Наташка спокойно курила.

– Где ночлег? Какую работу? – недоумевала подружка.

– В публичном доме ночлег. И там же – работу!

– Наташка! – ахнула подружка. – У нас в стране нет и тем более не было публичных домов!

– Ага. А ещё в нашей стране не было секса. Ты даже представить себе не можешь, сколько в нашем милом южном приморском городе борделей. Я уж не говорю о стране. Нет, конечно, прогуливаясь вечером по Молдаванке или Большому Фонтану, ты нигде не увидишь сияющую неонов вывеску:

«Публичный дом». Но они есть. И товар там на любой вкус. Включая мальчиков. В нашей милой стране, где за всё это положены разнообразные статьи уголовного кодекса. Во всяком случае, были положены.

Студентка-отличница выглядела... Выглядела так, как будто у неё из-под ног выбили табуретку как раз тогда, когда на шее у неё оказалась петля. Только шейные позвонки не сломались, и она вдруг оказалась в невесомости. Или в вакууме. Причём без скафандра. Студентка-отличница стала задыхаться. Наташка стукнула её по спине и обрызгала водой.

– Да ладно, ладно... Не пучь глаза и челюсть подвяжи. Дыши давай, нечего тут! Не люблю я шоковых реакций на что бы то ни было! – Наташка коротко хмыкнула. – Если тебе так удобней, можешь считать, что я всё это выдумала. Я же, в конце концов, дочка и внучка психически ненормальных и потому могу быть склонна к мифотворчеству. В общем, грех жаловаться. Два года провела практически в холе, тепле и неге. – Наташка со злостью воткнула в пепельницу бычок. – Даже денег скопила. И разошлись полюбовно. «Дядюшка» мне паспорт справил.

– А почему через два года? – задала студентка-отличница вопрос. И тут же почувствовала себя идиоткой. – Извини. Я не должна задавать тебе никаких вопросов. Сама расскажешь, если захочешь.

– Да ничего-ничего, задавай. Знаешь, после шланга и двух лет в публичном доме ни один вопрос не может меня ни ударить, ни ранить, ни оскорбить. Через два года у меня очень, если можно так сказать, удачно начались гормональные проблемы. Не то стресс догнал, не то не по возрасту половая активность. Да ещё и пара аборт, да... Бордель, понимаешь. Некоторые платят больше за то, чтобы всё а-ля-натюрель, безо всяких резинок и мыслей о прерванных половых актах. А таблеток мне как-то никто не предложил. А сама я о них, о таблетках, только от гинеколога и узнала. После последнего аборта... Так что я обросла волосами и снова растолстела. За первые-то три месяца после смерти бабки и матери, живя с водителем автобуса, я ой как похудела. Под шлангом вместо бабкиных творожков. Супермодель была. Сорок пять килограммов вместе с трусами. И трусы, кстати, научилась сама и снимать и надевать... Никакие бабушки не нужны оказались. Ты ешь, ешь, подружка... Я чего столько готовила?!

Студентка-отличница взяла что-то из ближайшей тарелки и стала вяло жевать. Ну не говорить же Наташке, что ей сейчас как-то кусок не очень в горло лезет.

– Да! Ты права! Мне тоже кусок в горло не лезет, и уже давно. Давай напьемся в дым-ураган, когда я закончу, а? Уже мало осталось.

– Давай! – согласно закивала студентка-отличница.

– В общем, на морде и на сиськах стали расти толстые чёрные волосы, а блондинистая грива, наоборот, сильно поредела. Я разжирела, оплыла и стала замедленной. «Дядюшка» выдал мне паспорт, ещё немного денег, кроме накопленных, адрес хорошего эндокринолога – и вежливо выставил на улицу. А мог бы и на полях орошения выгрузить. Святой человек, чего уж там! – Наташка произнесла последние слова с такой ненавистью, что студентка-отличница содрогнулась. У неё в голове вообще творилась каша. Никак она не могла связать ту девочку Наташку, которую она знала, с той молодой женщиной, что встретила сегодня на Седьмом километре. И их обеих – девочку и женщину – с рассказами вот этой благополучной Наташки на её благополучной кухне.

– Так что я, как и в чём была – но с пополненной маминной сумочкой, – пошла. Уже не скажу «куда глаза глядят», потому что когда меня водитель автобуса выставил за дверь, глаза мои вообще никуда не глядели. Так что пошла я, сняла какую-то дыру, зато дёшево, и сделала загранпаспорт. И отправилась в Турцию. И пристроилась там водилкой. – Наташка хихикнула.

– В Турции? Водилкой?..

– Да-да, знаю. У тебя вопросов вагон и маленькая тележка. Почему в Турции? Почему водилкой?

– И откуда у тебя права? – брякнула студентка.

– Откуда-откуда... Я бы и рада тебе сказать, что советские бордели – самые человеколюбивые бордели, и при них

даже есть учебно-производственные комбинаты, где любая жрица любви может овладеть полезной профессией, но это, дорогая моя подружка, не так. Совсем не так. Нет при борделях учебно-производственных комбинатов. А есть там... Не надо оно тебе, что там есть. Живи безмятежно и чисто. – Наташка щелчком отправила очередной окурок в раскрытое окно. И, тут же прикурив следующую сигарету, продолжила: – Права же у меня – оттуда. Из маминой сумочки. В кармашке боковом так и лежали. И водить меня мама научила. Ещё в двенадцать лет. Я дура душой была, да. Но для того чтобы выжимать сцепление, переключать передачи и не путать газ с тормозом – Эйнштейном быть не обязательно. Так что мама меня на своём «Запорожце» вывозила на четыреста одиннадцатую батарею и учила водить. Ты и не знала. Никто не знал. Я стеснялась того, чем бы надо гордиться... С мамой мы плюс-минус похожи, выглядела я тогда из-за своих гормональных проблем старше, так что всё срослось. Тем более, если помнишь, звали мою мать тоже Наташей и фамилии у нас с ней одинаковые. Только отчества разные, ну да мне было проще паспорт гражданский поменять. Перед тем как заграничный делать. А в Турции и водилой, потому что есть такие парни в Турции, которым нужны водители-женщины.

– Извращенцы? – оторопело уточнила студентка-отличница.

– Почему извращенцы? Нормальные парни. Водители-женщины нужны им не для себя, а для жён. Вот есть в

Турции такие парни, что любят своих жён. Они, наверное, и у нас есть. Но мне пока такие не встречались... Платили мне в Турции отлично! Плюс еда, плюс униформа, плюс жильё. А когда челноки начали туда-сюда мотаться – так я в первых рядах оказалась. В общем, копейка к копейке, не прошло и пары лет, как у меня уже девять контейнеров на Седьмом в собственности и сейчас я расширяю свой незамысловатый, но многотрудный бизнес. От борделя и сумки «Мечта оккупанта» – к собственной сети модных бутиков, и да не оскудеют склады Милана, и да не выкупятся во веки веков в текущий год актуальные прет-а-порте коллекции, и да не перестанут проклятые капиталисты отдавать брак типа слегка кривоватых швов и неплотно пришитых пуговиц по три копейки за тонну, аминь! А волосы где надо – снова выросли. А чёрные с морды и сисек прошли. Безо всякой терапии. Видимо, из-за здорового воздержания от секса как такового.

– Обалдеть! – только и смогла сказать студентка-отличница.

– Мыльные оперы нервно курят! – грустно засмеялась Наташка.

– Это... А зачем ты квартиру в том же доме купила, где и... где и водитель автобуса живёт?

– О! Это отдельная история. Я решила его извести. И извела. Когда я кое-чего поднакопила, то явилась к нему и предложила продать мне хату. Он отказался. Плюс-минус связи, плюс-минус деньги – и я оказалась прописанной туда, где

мне и положено было быть прописанной – в этой самой квартире, полученной водителем автобуса. Не захотел по-плохому, по-хорошему будет хуже. То есть – по закону. Я там пару месячишек у них с его дамочкой пожила – после борделя никакой ад не страшен, я закалённая. Папаня мой никогда особо здоровой печенью похвастаться не мог, а на дешёвую халявную водку падок оказался. Равно как и его новая супружница. Я им её просто ящиками поставляла с нехитрым закусоном. Ну а там кто разберёт, в какой из партий был не гадкий этиловый, а отличный метиловый? Да и кому нужны водитель автобуса и жена его, безработная алкоголичка? Да ещё в такое время, когда есть с чем разбираться ментам отсюда и до заката развала-передела. В мир иной обоих проводила по-людски. Пусть в фанерных гробиках и без музыки, но могла ведь и вовсе на помойку выкинуть. Никто бы не возражал. Продала ту двухкомнатную и купила себе трёхкомнатную. Отчего тут? А отчего бы и нет? Дом хорошей планировки. Ремонт, как видишь, забацала. Так что у меня теперь шик-блеск-красота! – Наташка внезапно рассмеялась. – Помнишь ту мою соседку «проститутку»?

– Помню. Я же тебя искала...

– Да. Она мне говорила... Самое смешное, что она действительно проститутка. А мне в жизни больше, чем конфеты, нужно. Не для того я через всё это прошла, и даже... Знаешь, я ту квартирку-сарайчик купила. В память о бабушке. Папане моему и так есть за что в аду гореть, но вот за то,

что он бабкины ордена-медали продал, сука, а кукольный костюмчик отличной шерсти выкинул на помойку, гореть ему в аду вечно безо всяких прощений после каких угодно по счёту пришествий.

И Наташка расплакалась.

И плакала долго.

А потом они со студенткой-отличницей напились в дымину. И Наташка накручивала студентке-отличнице волосы на деревянные бигуди-коклюшки.

Студентка-отличница осталась ночевать у Наташки.

– Слушай, в Турции я прочитала «Графа Монте-Кристо». Я вообще много чего тогда прочитала. У персонального шофёра времени для чтения вагон. Помнишь, я в детстве удивлялась, что ты везде глотаешь книги одну за одной? Не понимала. Это же такое занудство. Какой-то болтун от нечего делать намешал салат из слов, а мы, видите ли, должны покорными коровами всё это прожёвывать. Какого чёрта, когда есть так много интересных дел! Например, попрыгать с малышняй в классики или поиграть с ними в дочери-матери. Так вот, беру свои слова назад – читать офигительно интересно! Многое в голове на место становится. Пытаешься что-то такое уловить, что-то такое понять... А тут – бац! – умный человек уже всё для тебя сформулировал, не поленился. Я даже – только не ржать! – Толстого прочитала. Очень забавная

у него эта Каренина. Нечем ей заняться было. С жиру бесилась.

– Ну, всё не совсем так. Ты делай поправку на время, в которое был написан роман...

– Время – ерунда! В любом времени женщина, не любящая свою дочь, – не женщина.

– Она любила своего сына.

– А у меня бы хоть пятнадцать детей было, я бы их всех любила до потери пульса.

– Будут ещё. Полюбишь.

– Не будут. Аборты. Гормоны. Не помнишь?

– Наташка! Сейчас всё лечится.

– Ну, может, и правда. Хорошо, в том борделе ничего круче гонореи не подхватила.

– У Льва Толстого была гонорея.

– Гонишь?! – восторженно присвистнула Наташка.

– Вот те крест!

– Ощущаю сопричастность гению...

Девушки засмеялись.

– Кстати, роман он должен был назвать не «Анна Каренина», а «Константин Левин».

– Наташка, у тебя для выпускницы ПТУ весьма наблюдательный ум! – искренне восхитилась студентка-отличница.

– Что есть, то есть, – загордилась Наташка. – Жизненный

опыт, мать его!.. Нет, ну отвратительный персонаж этот Константин Левин. Всё он, видите ли, думает. Во всём ковыряется, как какой-то жук навозный. Если бы я так во всём ковырялась, в детальках, да о смыслах каждого своего пука задумывалась, так давно бы уже того... – Наташка вздохнула.

– Вот и не задумывайся. Так что там с «Графом Монте-Кристо»?

– Сказки. Ерунда. Враньё. Аббат его прям всему научил и сокровища, вишь, завещал-оставил. Ха-ха три раза.

– Я думала, ты сейчас скажешь что-нибудь о мести.

– Ну, о мести – оно, конечно, красивее. Да только, между нами девочками и по-честному: купить трёхкомнатную, продав двухкомнатную, легче, чем покупать с нуля. Такое вот тебе моё Монте-Кристо. И месть, разумеется. Что называется – приятным бонусом.

– А что ты сейчас читаешь?

– Учебники. Английского и итальянского. Мне за год на них зашпрыхать надо. Учителей наняла. Не хочу, чтобы меня на переговорах третье лицо дезинформировало случайно. Или тем более намеренно. Знаешь, как у нас в бизнесе говорят? Третий лишний. Спи, подружка. Мне завтра с утра пораньше арбайтен. Это у тебя ещё каникулы, студентка! – Наташка поцеловала свою бывшую одноклассницу-подружку в нос. – Я была рада узнать, что у тебя всё хорошо.

– Я тоже была рада узнать, что у тебя всё хорошо.

Потом они не виделись ещё лет десять.

Да и то мимолётное общение, что состоялось десять лет спустя, трудно назвать встречей. Наташка была с красивым круглым животиком недель эдак на тридцать восемь – сорок. И была вся погружена в себя. За те десять лет, что девушки не виделись, Наташка стала владелицей большого бизнеса, построила себе красивый дом, и обнаружив, что ей уже весьма за тридцать, завела себе красивого мужа. Позже, что правда, мужа вывела. Ей нужна была дочь. И ей не нужно было, чтобы у её дочери был папа.

* * *

– Так что вы всё-таки думаете про дорожке всех одетую блондинку?! – уточнил бармен.

– Артём, я думаю о ней только то, что вижу. А вижу я красивую женщину моего возраста. С яркими голубыми глазами, с конским хвостом натуральных светлых волос. И даже рыжие веснушки ей к лицу. Это удивительно, когда у женщин нашего с ней возраста ещё появляются веснушки. Сведи ты с ней знакомство поближе, она бы привела в порядок твою густую гриву обычной короткой мужской стрижкой. Твоя внешность от этого только выиграет. Уверена, что она отлично управляется с парикмахерскими ножницами. И, кстати, дам трое. Почему, когда ты решил мне рассказать, что ты о них думаешь-придумываешь, ты начал с этой? Она

тебе нравится? Так действуй!

– Нет. Она слишком... Слишком взрослая для меня.

– Это верно.

– Но думаю-придумываю я обо всех. Я же не всегда буду барменом. Бармен очень даже может стать, например, писателем. Где же ещё столько увидишь, если не за барной стойкой?

– О! Есть масса мест... Можно закончить высшую мореходку, поболтаться в море, повидать мир. Можно стать юристом. Судьёй или нотариусом – тоже материала будет хоть отбавляй. Журналистом. Врачом. Военным...

– Барменом! – подсказал умный мальчик Артём.

Я рассмеялась.

– Ладно-ладно, сдаюсь. Барменом – тоже отлично. Подходит для того, чтобы стать писателем. И мороки меньше, чем хирургом или, там, судостроителем. Мороки меньше, но и достоверности – меньше не бывает. Хотя писателю достоверность ни к чему... Если он собрался писать чушь. Настоящему же писателю на платформе достоверности надёжнее. Именно к этой платформе подают поезда вдохновения, отправляющиеся в края чудес. Ладно... Ну так что же ты, Артём, думаешь-придумываешь, например, о невысокой, кругленькой?

– Она наверняка преподаёт в каком-нибудь вузе. Но так...

Ничего особенного. Вечный ассистент. У неё старенькие мама и папа. Учитель и инженер. Что-нибудь в этом роде. И муж. Тоже такой, из середнячков. Тихий зануда со спёкшимися амбициями. Изводит ими только жену. У них есть ребёнок. Или даже двое. Такие же бесцветные. Если девочка, то с маминого фасона выдающимися попой и грудью. А если мальчик – то такой же ботан, как его папаша-зануда. А если детей двое – мальчик и девочка, – то я уже привёл их словесный портрет. Она считает, что у неё в жизни всё хорошо, но немного скучно. И эти посиделки для неё – единственное событие в размеренной, лишённой каких бы то ни было страстей жизни. Иногда старенькая мама жалуется ей на старенького папу. И тогда она звонит старенькому папе и просит его быть внимательнее к старенькой маме. Говорит ему что-то типа: «Ну, ты же знаешь, какая она у нас с тобой!» Вот вся жизнь этой серой бесцветной мыши и крутится вокруг этого «у нас с тобой», касается ли оно стареньких мамы с папой, тощего мужа из вечных середнячков или их детей. Красится она только на эти посиделки с подругами – и потому грим такой яркий и неумелый...

* * *

Вика с детства любила краситься.

Это неудивительно, когда твоя мама – гримёр в Оперном театре и дом полон всяких коробочек, похожих на пена-

лы с акварельными красками. Театральный грим тяжёл. Его должны видеть даже с галёрки. Так что никогда не покупайте билеты в первый ряд партера.

Театральный грим маслянист и фактурой напоминает по-месь дёгтя с солидолом. И пахнет гуашью, размешанной с нутряным жиром. Наносить его непросто, но не так, как непросто его снимать.

Викин папа «плавал», и его не было дома месяцами. Мама не было дома всего несколько вечеров в неделю – но это были пятница, суббота и воскресенье. Иногда добавлялись вторник и четверг. В субботу и воскресенье мамы не было с утра до самой ночи – в выходные есть и дневные и вечерние спектакли. В остальные, будничные мамины дни её не было дома с пяти до полуночи. Вика прекрасно с самого раннего детства чувствовала себя в одиночестве. Она ни капельки одиночеством не тяготилась. Как можно тяготиться одиночеством, когда, во-первых – оно временное, а во-вторых – рядом всякие чудесные, полные грима коробочки. Викина мама разрешала ей играть с ними и их содержимым. И Вика «красилась». Что знают о «краситься» другие девочки, в распоряжении которых всего лишь мамины косметички! Ну, пудра. Ну, румяна. Ну, тени. Ну, тушь. Ну, помада. Чуть пройтись пуховкой. Чуть косо мазнуть по скулам. Чуть тронуть смешной непрофессиональной кисточкой веки. Чуть кончики кверху и прокрасить по всей длине. Намазать губы. Всё.

Театральный грим требует часов, а не минут.

Вика садилась перед большим трёхстворчатым зеркалом на мамин пуфик и начинала священнодействие. Доставала «патронташ» – свёрнутую в трубу широкую ленту с гнездами для кистей, кисточек, валиков, деревянных и металлических палочек, чего-то странного, похожего на мудрёный слесарный инструмент, – конструкции для завивания ресниц, и многого другого, таинственного и влекущего. Раскрывала все коробочки с гримом, баночки с пудрой, брусочки с окаменевшей тушью. Забирала волосы со лба под широкую ленту в горошек – мама купила её не где-нибудь, а в самом Париже, когда труппа была на гастролях. Вдыхала... Выдыхала... Так шаолиньский монах медитирует перед тем, как начать комплекс своих замысловатых упражнений... И приступала.

Вике была известна тайна всех тонов, полутонов и оттенков. Когда в зеркале отражался первый промежуточный этап – сильно промасленное лицо, – она точно знала, что главный осветитель останется доволен, когда ты сильно обтянутым Спартаксом выделяешь свои па, мечась по сцене. Когда Вика взмахивала потяжелевшими от комочков туши ресницами, она представляла себе свою мордаху, с улыбкой смотрящую в одну точку зала, пока тело крутит и крутит своё фуэте. Раскрашивая во все цвета радуги веки и нанося на щеки румяна, Вика была не Вика, а соблазнительная коварная Одилия и трогательно пунцовеющая Одетта.

Балет привлекал Вику куда больше оперы. Балетные все

были стройные, мускулистые, подтянутые и не ходили, а летали над землёй, развернув элегантные плечи. А оперные примы и премьеры были толсты, неповоротливы, и видя, как восемнадцатилетняя Марина Мнишек на сцене оборачивается старой толстой тёткой, бочкообразная грудная клетка которой равна в объёме бёдрам, а объём последних равен, в свою очередь, окружности талии в трёхзначных сантиметрах, Вика понимала, что опера – не для неё. Балет! Только балет!

Но балетные так не думали. Они очень любили свою гримёршу и её дочь. Но дочери гримёрши до балета было, как до Китая раком. Впрочем, до оперы тоже.

Во-первых, фигура. Даже в самом раннем детстве Вика была колобком с большой попой и короткими ножками. И не в самом раннем осталась такой же. Вся фигурой пошла в свою маму – совершенно южнорусскую женщину: невысокого роста, массивную, с грудью пятого размера и попой с корму сухогруза. Правда, у мамы была талия. Но была ли она сама по себе или же визуализировалась в пространстве благодаря слишком выдающимся верху и низу – неважно. Не балетная фигура. И эта фигура – семейная, женская. Балетная фигура – это широкие плечи, узкий зад и длинные ноги. Немного напоминает фигуры пловцов, в чуть меньшем масштабе. Вот такая фигура была у Викиного папы. Хотя он был не пловец, а моряк. И жадиной не был. И очень любил и свою жену, и свою дочь. Просто обожал их обеих. И с радостью бы

передал дочери свою фигуру, но, увы, – мы вольны распоряжаться своей жизнью, но совершенно не властны над долевым участием своего генетического кода в наших потомках.

У Вики не было также чувства ритма и музыкального слуха. А это очень важно для балетных. Ещё у неё не было никакого голоса, даже самого крохотного. Так что какая уж там опера.

Зато Вика уже к третьему классу средней школы владела всеми тайнами гримёрского ремесла. И в третьем же классе твёрдо решила после восьмого поступать в театральный техникум. Всё ближе к сцене.

Квартира Викиной семьи, находившаяся совсем недалеко от Привоза, была вполне вместительной. Две большие комнаты, отдельная кухня. И туалет.

У папы на пароходе была отдельная каюта, и в ней – отдельный санузел, с унитазом, ванной и душем. Когда Вика первый сознательный раз попала к папе на пароход – она аж ахнула от такой роскоши, хотя очень сильно устала.

Про то, что провожают пароходы совсем не так, как поезда, многие ещё помнят. Но вот о том, что встречают их и вовсе иначе, – знают немногие. Потому что об этом не спето.

А встречают пароходы так: сперва жёны моряков узнают приблизительные даты прихода. Но ещё точно не знают порт. Это может оказаться порт большого южного приморского города. А может и совсем маленький – порт города-спутника большого южного приморского города. Или не маленький, а

средний. И не спутник, а самостоятельный южный приморский город-корабел. Жёны моряков конкретного судна кооперируются, перезваниваются, уточняют. Как правило, во главе кооператива жён моряков конкретного судна стоит жена капитана или жена старпома. Или даже жена стармеха. Дело в том, что капитан, старпом и стармех могут звонить и давать радиogramмы жёнам куда чаще, чем, например, третий механик или вовсе матрос-моторист. Но у жён моряков коллегиальность налажена на высшем уровне – и, простите, братство жён моряков не делает различий между женой капитана и женой матроса. Что знает жена капитана, то через полчаса знает жена матроса. И у нормальной капитанской жены никогда корона не упадёт позвонить или даже приехать к жене матроса, чтобы сообщить, примерно когда и примерно в какой порт приходит судно. И даже если судно приходит не в южный морской торговый порт, а в порт торговый морской северный, то жёны экипажа и тут кооперируются, скупают билеты в целый плацкартный или купейный вагон и едут встречать своих мужей прямо в город Ленинград.

Викин папа не был ни капитаном, ни старпомом, ни стармехом. Он был хуже – помполитом. Сейчас таких должностей на судах нет. Но когда Вика была маленькой, такие должности на судах были. Помполит – это помощник по политической подготовке. Комиссар. Стукач. Следящий за тем, чтобы моряки не особо распространялись о том, что в самом лучшем в мире государстве у человека в квартире есть

только туалет и совсем нет ни душа, ни ванной. Да и сам дом, где есть две большие комнаты и отдельная светлая кухня, – аварийный. И лет пятьдесят уже как предназначен на снос.

Викин папа был очень хорошим помполитом. Он всегда опускал в отчётах куда следует, что Иванов с Петровым и Сидоровым собирались в порту Сан-Франциско больше трёх (четвёртым был именно Викин папа) и бродили куда не следует – в бордель. Не попользоваться, упаси боже! Только на двери заведения поглазеть. И не потому, что «облико морале», а потому что соу икспенсив фор рашн сейлор. И лучше купить джинсы жене, дочери и на продажу, чем воспользоваться услугами жриц любви. Но интересно же! Ещё он опускал в отчётах, что принайтованного на палубе груза – чуть больше положенного, хотя чёрт его знает, что капитан собирается делать с этим старым «Крайслером» с американской помойки в стране, где детали даже для отечественных «Жигулей» – проблема.

В общем, помполитом Викин папа был отменным, всегда щедро налево и направо разливал культфондовское спиртное и культфондовские бабки тратил по прямому их целевому назначению – на «куда следует», на таможду и на санэпидконтроль. И экипаж просто обожал своего помполита и ни за что на свете не променял бы его на другого. Стеной, горой и прочими укреплениями экипаж стоял за своего помполита. Хороший комиссар – это или мёртвый комиссар, или ещё большая редкость, чем яйцо Фаберже, изготовлен-

ное для дома Романовых на Рождество.

Ближе к приходу судна информация жёнам моряков поступает чаще и становится разнообразнее. Жёны моряков перезваниваются, приходят друг к другу пить кофе-чай чуть не по несколько раз в день, и наконец поступает самая проверенная информация, самая точная информация, самая последняя информация! Тогда-то, во столько-то, к причалу такому-то! Хватайте себя, детей, торбы с горячими пирожками, собираемся в полдень у бюста Вакуленчуку. С собой – паспорта и свидетельства о рождении. Иначе на территорию порта не пустят. Это дополнительно сообщают начинающим жёнам моряков жёны бывалые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.